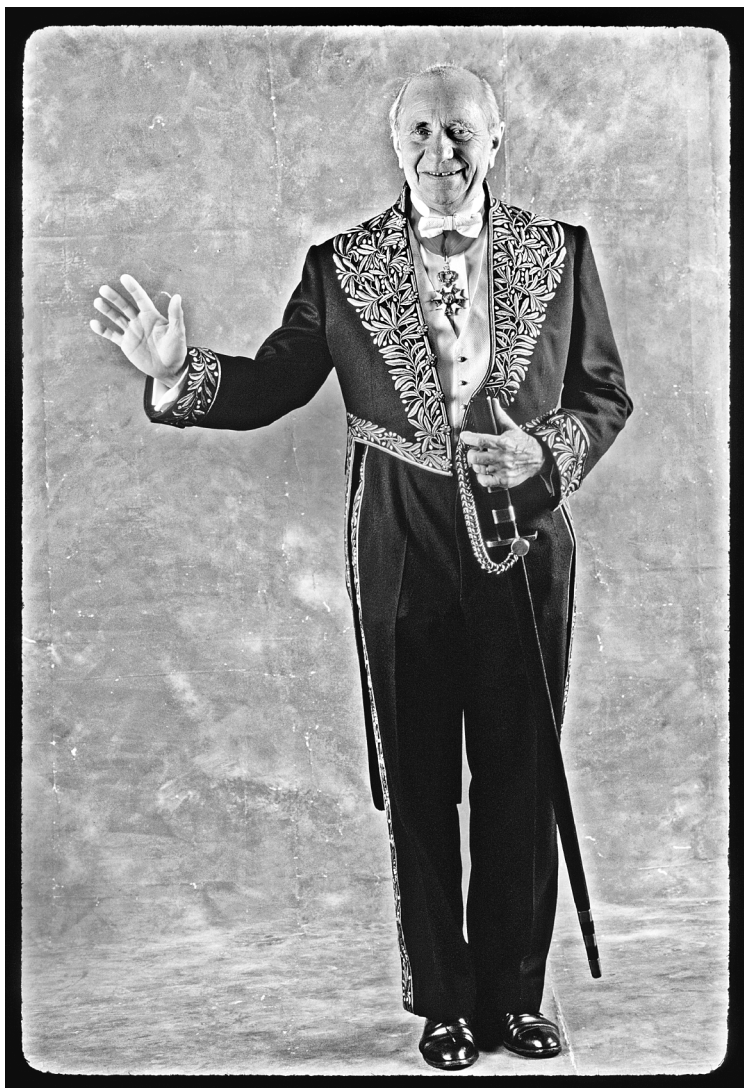

Жорж Дюби (1919-1996)

РЫЦАРЬ, ЖЕНЩИНА И СВЯЩЕННИК

История брака
в средневековой
Франции

Можно ли представить, что этот мужчина, которому перевалило за 50 — возраст, в котором умирали все без исключения французские короли этой эпохи, — не боялся преисподней? Не желал, чтобы прелаты официально очистили его от греха, в который он сам себя ввергнул, и не без удовольствия, вступив в плотскую связь с этой женщиной? Он не видел за собой вины, и виновным признан в итоге не был.

Событие, о котором я рассказал, подражая стилю историков старины, не интересует меня само по себе — мне важно то, что оно вскрывает. Волны от этого потрясения, как это обычно и бывает, вынесли на поверхность то, что ранее было скрыто. Событие обнажило глубинные структуры. Мы начали с исследования экстраординарного, но со временем нашему вниманию открылось, хоть и мимолетно, обычное — о чем никто не говорит и не пишет и до чего историк, соответственно, не может дотянуться. Мое исследование представляет собой попытку должным образом ответить на занимающий меня вопрос: как вступали в брак в христианской Европе восемь-девять веков назад?

Рассматривая под разными углами общество, которое обычно называют феодальным, я пытаюсь понять, каким образом оно было устроено. Подобная задача естественным образом приводит меня к исследованию брака. Брак играет ключевую роль в любом обществе — и в особенности в том, которое я изучаю на протяжении многих лет. Именно посредством института брака, посредством правил, определяющих порядок создания союзов, а также применяя эти правила на практике, общества — даже те, что стремятся к высокой степени свобо-

ды, и те, что производят такое впечатление, — распоряжаются своим будущим, пытаются обеспечить себе вечную жизнь в определяющих их структурах, в символических системах, в образе совершенного устройства, создаваемом самими этими обществами. Брачные обычаи устанавливают порядок передачи женщины мужчине, определяют границы мужской конкуренции, придают официальный статус и социальный контекст деторождению. Удостоверяя отцовство, они создают новый вид родственной связи, наряду с материнством — единственной очевидной из этих двух. Брачные обычаи создают границу между законными и незаконными союзами и наделяют детей, родившихся в первых, статусом наследников, потомков, наделяют их именем и правами. Брак лежит в основании отношений родства, в основании общества в целом — это замковый камень всей социальной структуры. Как я могу понять суть феодализма, если не понимаю правил, в соответствии с которыми рыцарь брал себе жену?

Необходимым образом зримый, публичный, церемониальный, сопровождающийся различными жестами и формулами, брак как часть системы ценностей располагается на стыке материального и духовного. Брак регулирует передачу имущества от поколения к поколению и обеспечивает таким образом функционирование «общественной инфраструктуры». В то же время он от нее неотделим — в связи с этим роль института брака варьируется в зависимости от того, какое значение имеет наследование в производственных отношениях. Люди, занимающие разные ступени иерархии богатств, и брак оценивают по-разному — вплоть до того, что он не представляет практически никакой ценности для раба или пролетария,

не обладающего имуществом и поэтому вступающего в союзы естественным образом, а не посредством брака. Вместе с тем, поскольку брак регулирует сексуальное поведение — в первую очередь ту его часть, что связана с деторождением, — он вступает и на территорию загадочного, сокровенного, территорию жизненных сил и желаний, сакрального. В связи с подобным двойственным положением брака нормы, его определяющие, относились одновременно к двум сферам: светской и, можно сказать, религиозной. Как правило, две эти регулятивные системы друг друга дополняли, опираясь одна на другую, однако бывало и так, что возникали разногласия. Такие конфликты способствовали тому, что матримониальные практики менялись и преобразовывались, стремясь вновь прийти в равновесие.

История Филиппа I показывает, что около 1100 г. в латинском христианском мире жестко противостояли друг другу две концепции брака. В то время достиг наивысшего накала спор, который, разрешившись, установил порядок, почти что в неизменном виде просуществовавший вплоть до наших дней, вплоть до новой фазы этого спора, до трансформаций, которые мы сегодня переживаем. Во времена короля Филиппа поиски решения происходили с трудом. Я ставлю перед собой задачу выяснить причины этой сложности, а также понять, каким образом решения находили. Поскольку рассматриваемый кризис был вызван к жизни тем же коллективным движением, что существенно преобразило социальную реальность — как действительную, так и идеальную, — поскольку мое настоящее исследование прямо продолжает предшествующее, посвященное трем «сослови-ям», *ordres*, функциональным категориям общества,

дополняя его*, я ограничиваю себя теми же рамками: Северной Францией XI–XII вв. В этот раз, однако, я буду наблюдать за «добрым» обществом — за миром королей, принцев и рыцарей, — признавая, впрочем, что брачные практики и, возможно, обряды жителей деревень и небольших городков могли заметно отличаться от принятых у них. Работая над историческим трудом и совершая первый подход к намеченной мной проблеме, я должен себя ограничивать, ведь за пределами этой тонкой социальной прослойки царит непроглядный мрак.

Даже на этом уровне он остается весьма густым. К предмету моего исследования — матримониальным практикам — приблизиться очень сложно в силу трех основных причин. Прежде всего, потому что письменность была по-прежнему крайне мало распространена — по крайней мере такая, от которой ожидали, что она выдержит испытание временем. На письме закрепляли в первую очередь ритуалы, право, моральные принципы. Поэтому мне доступна почти исключительно поверхностная сторона дела, наиболее твердая часть идеологической оболочки, служащей оправданием для поступков, которые можно признать, и укрытием для тех, что нельзя. Одним словом, такие тексты носят исключительно прескриптивный характер. Во-вторых, все доступные мне свидетельства принадлежат, как я уже говорил, клирикам, то есть людям, а конкретно — мужчинам, соблюдающим целибат (на деле или делая вид), вынужденным по роду деятельности демонстрировать

* Речь идет о книге Дюби Ж. Трехчастная модель, или Представления средневекового общества о себе самом / Пер. с фр. Ю. А. Гинзбурга. М.: Языки русской культуры, 2000. — *Прим. науч. ред.*

отвращение по отношению к сексуальности, по отношению к женщинам. Им никогда не приходилось вступать в брак (либо же они об этом умалчивают), а теория, которую они предлагают, призвана подкрепить их притязания на власть. В связи с этим их свидетельства, касающиеся вопросов любви, супружества, брачных практик и морали мирян, нельзя отнести к числу самых достоверных: в одних случаях священники пытаются показать, что мораль мирян идентична их морали, в других — вовсе отказываются признать ее существование, обвиняя мирян в безнравственности. Мне приходится смириться. Для того чтобы узнать что-либо о брачных практиках, я должен довольствоваться не одним лишь видимым, а, как правило, идти от обратного — от того, что осуждают священники и какие привычки они призывают отбросить. К счастью, в XI — начале XIII в. количество источников постепенно растет, а сами они становятся более подробными. Все более заметное обмирщение высокой культуры приводит к тому, что тексты все чаще сохраняют мысли и поступки рыцарей. Мое исследование будет построено в соответствии с этой хронологией, и чем дальше, тем больше подробностей и красок будет обретать его предмет. Я, впрочем, не надеюсь, что оно, не считая ряда формальных вещей, уйдет сильно дальше пересказа занимательных фактов. Наконец, третья причина: опасность анахронизма. Интерпретируя неоднозначные источники, я должен следить за тем, чтобы не перенести на прошлое, заполняя с помощью воображения пустые места, соображения, продиктованные настоящим. Люди, нравы которых я изучаю, — это мои предки; модели поведения, становление которых я пытаюсь просле-

дять, продержались до моих дней; в брак, о котором я пишу, я вступал и сам — я не могу быть до конца уверен, что не принадлежу к той же идеологической системе, к которой мне следовало бы подходить критически. Меня беспокоит вопрос: действительно ли я беспристрастен? Мне необходимо постоянно себя одергивать, напоминать себе о том, что между мной и предметом моего исследования пролегает 1000 лет. Я должен признать, что туман времен непроницаемым покровом прячет от меня почти все, что мне хотелось бы увидеть.